

П. БОБОРЫКИН

Обличители интеллигенции

(Отрывок из злободневного диалога)

— Как хотите, то, что вдруг поднялось в писательском мире на тему нашей «интеллигенции», так или иначе да отвечало же на какое-нибудь накопившееся недовольство, на потребность сознать то, в чем давным-давно следовало повиниться?

— Положим, что и так. Но одно дело — принести повинную, т. е. говорить о себе, о своих грехах и провинностях, и другое дело — обличать своих собратьев, принадлежащих, вдобавок, к тем же поколениям. Это — не одно и то же. В «*mea culpa*»¹ первого рода чувствовалась потребность не со вчерашнего дня. И если бы у нас, в публике и в прессе, имели привычку помнить многое, даже из недавнего прошлого, то и оказалось бы, что были и раньше проявления такого же самоанализа.

— Но они тонули в общем самодовольстве интеллигенции, к которой причисляли себя как к какой-то особой касте писатели и общественные деятели, зараженные тем, что теперь зовут «направленством».

— Ловлю вас на этом слове. Когда и кем пущено это самое слово: «направленство»?

— Право, не припомню.

— А я знаю и помню. Оно пущено одним писателем еще 60-х годов и, по крайней мере, лет двадцать тому назад².

— Быть не может!

— Мог бы представить вам на это фактическое доказательство. Стало быть, протест против многого того, в чем теперь стали усиленно обличать известного рода «интеллигенцию», уже старей, но только тогда он оставался еще гласом вопиющего в пустыне. И на это были веские причины. В течение целой четверти века, при общем гнете сверху, протестующая так или иначе интеллигенция не могла не обособиться, не могла

ревниво не держаться своего символа веры, не могла уйти в равнодушие ко многому, чем жила страна, что было ценного и доброго для обыкновенного обывателя.

— Этот обыватель теперь уже не тот, и вот это-то и прозвала интеллигенция, которая верила только в свои книжки.

— Не все! Далеко не все! Но, повторяю, одно дело — сознать свой грех, и другое — уличать в нем только своего ближнего. Новоявленные обличители интеллигенции всех как-то валят в одну кучу и не показывают тем, кто читает их филиппики, как они сами-то ушли от всех этих дефектов.

— Они предлагают разные пути обновления.

— Да, но каждый из нас имеет право крикнуть им: «Врачу, исцелися сам!»³ Обвинять целое поколение (особенно то, к которому сам принадлежишь) — это значит вырывать из общественной почвы отдельных индивидов и делать их ответчиками за целый ход идейной и социальной эволюции. Очень легко обличать свою родную мать (что так часто и делают дети), но надо прежде всего самому доказать, что вы сами возродились и преобразовались в людей высшего порядка.

— У них, кто выступает обличителем, — свои идеалы, которых старая интеллигенция не держалась.

— Но ведь главный вопрос в том, какие это идеалы, — вынесенные из всенародной жизни или же чисто субъективные, взятые также из книг, высиженные в спертом воздухе болезненного субъективизма, своей душевной неврастении!.. Возьмите вы самый крупный мотив в этом обвинительном акте — пренебрежение к народному религиозному чувству. Прекрасно. Ошибка известной доли прежней интеллигенции состояла в том, что она слишком ревниво отстаивала свое «свободомыслие» и не желала сливаться с народом в области веры... Поэтому даже и вопрос о свободе совести сравнительно мало интересовал в печати ту интеллигенцию, помимо даже и цензурных стеснений, но все-таки в среде той же провинившейся интеллигенции стали раздаваться голоса против гнета, тяготевшего на религиозной жизни русских подданных, не принадлежавших к государственно-привилегированной Церкви... И указ 17 октября 1905 года⁴ — несомненный плод настроения, которому русская интеллигенция пребывала всегда *верной*.

— Этого недостаточно! Надо переживать вместе с народом его религиозные потребности.

— Если оно и так, то надо прежде всего верить так, как он сам верит, — «не мудрствуя лукаво», не уходя во всякого рода надуманное, книжное или болезненно-мистическое «богоиска-

тельство», в котором его новейшие поборники прямо выдают себя, не замечая того, как «книжники и фарисеи», а не представители коренного, русско-крестьянского религиозного уклада всей душевной народной жизни.

— Но есть еще целый ряд вопросов культурной жизни русского народа и общества, в которых интеллигенция известного пошиба опять-таки стоит в стороне, замыкается в касту, не замечая того, что она сама себя сдала в архив, что «песенка ее спета»...

— Вот что я вам на это скажу... На днях в одном передовом петербургском журнале я с большим интересом прочел «провинциальное обозрение». Автор его — бывший член 2-й Думы. Истинный демократ и друг народного труда во всех его видах. Каковы же его *итоги* после объезда им более дюжины великорусских губерний, начиная с северо-восточных? А то, что и деревня, и посад, и город, в лице крестьянства, мещанства, мастеровых, фабричных и заводских, после событий 1905—1907 годов, невзирая на самые жестокие тиски «усмирения», начинают жить *своим умом*. И той интеллигенции, которая сознает все свои старые грехи, нельзя уже будет играть роль проповедников теоретического типа: она должна слиться с этой могучей волной народного пробуждения. И в чем же оно проявляется? В двух культурных направлениях: в *кооперации* и в усиленном стремлении к самому широкому пользованию *школой*.

Но неужели и *старая* интеллигенция не ратовала и за то и за другое?

(Русское слово. 1909. № 87. 17 (30) апреля. С. 2)

